

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Лебедев Александр Александрович

ПОЭТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Научный руководитель: **Патроева Наталья Викторовна**
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка
ФГБОУ ВПО «Петрозаводский
государственный университет»

Официальные оппоненты: **Бурькин Алексей Алексеевич**
доктор филологических наук, доктор
исторических наук, ведущий научный
сотрудник словарного отдела ФГБУН
«Институт лингвистических исследований
РАН (ИЛИ РАН)»

Лёвина Ирина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка ФГБОУ ВО
«Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет»

Защита диссертации состоится «12» мая 2016 года в 18.00 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте <https://disser.spbu.ru/disser/soiskatelyu-uchjonoj-stepeni/dis-list/form/14/825.html>.

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. ф. н., доцент

С. В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена описанию поэтического синтаксиса лирических произведений П.А. Вяземского. Изучение особенностей поэтического синтаксиса (вкуче с анализом идиостилевых черт творчества того или иного писателя), а также в целом специфическая роль синтаксических форм и значений в организации художественного текста привлекали и привлекают внимание многих лингвистов. В то же время если поэтическое наследие одних авторов становится объектом пристального внимания, то другие писатели зачастую остаются в тени (порой совершенно незаслуженно). Синтаксис поэтических текстов П.А. Вяземского, творчество которого как в историко-литературном, так и лингвостилистическом аспектах до сих пор остается малоизученным, с этой точки зрения требует пристального лингвистического исследования, что и определяет **актуальность и новизну** данного **исследования**: Вяземский живо интересовался лингвистическими спорами эпохи Карамзина и Пушкина, в своих поэтических произведениях и «записных книжках» часто высказывался на злободневные темы борьбы «архаистов» и «новаторов» от поэтического цеха, был одним из первых русских лириков, обнаруживших настойчивое стремление к так называемой «языковой рефлексии». Анализ идиостиля П.А. Вяземского на синтаксическом уровне текста представляется важным и интересным как в историко-языковом, так и в лингвопоэтическом отношении.

Объектом исследования выступают особенности индивидуального стиля автора, проявляющиеся на синтаксическом уровне организации его стихотворных текстов, а **предметом** исследования стали используемые поэтом разнотипные синтаксические конструкции, их состав, семантика, функции и роль в формировании авторского идиостиля.

Гипотеза исследования исходит из положения о том, что поэтический синтаксис П.А. Вяземского является одним из стержнеобразующих компонентов, формирующих идиостиль поэта.

Цель диссертационного сочинения - анализ поэтического синтаксиса П.А. Вяземского. В рамках данного исследования в результате лингвостилистического анализа синтаксических конструкций были выделены ключевые составляющие творчества автора на синтаксическом уровне. Рассмотрение такого аспекта, как поэтический синтаксис, позволяет выявить специфику картины мира автора и выделить характерные особенности идиостиля.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертационной работы был поставлен и решен ряд **задач**, в числе которых:

- 1) рассмотрение теоретических вопросов, связанных с поэтическим синтаксисом, идиостилем писателя, языковой личностью и иными смежными лингвистическими и стилистическими категориями;
- 2) анализ структуры, семантики и функций синтаксических конструкций, используемых в стихотворных текстах П.А. Вяземского (на уровне как простого, так и сложного предложения);
- 3) учёт «сильных позиций» стихотворного текста, напрямую влияющих на восприятие стихотворения читателем, определение роли синтаксических

конструкций, которые находятся в этих подчеркнутых (актуализованных, выделенных) позициях;

- 4) исследование стилистических приемов, характерных для лирики поэта и составляющих основу стилистического воздействия на читателя;
- 5) определение степени («тесноты») взаимосвязи синтаксической организации текста с мелодикой, строфикой и интонацией на материале творчества П.А. Вяземского.

Новизна научного исследования состоит в том, что в рамках данного диссертационного сочинения впервые на материале творчества П.А. Вяземского был выполнен системный, многоаспектный анализ поэтического синтаксиса в его тесной связи, с одной стороны, с протекавшими в русском литературном языке XVIII-XIX столетий процессами и, с другой – с идиостилем автора как одного из важнейших представителей «золотого века» в истории отечественной литературы.

Материалом для исследования послужили стихотворные произведения, опубликованные в сборнике стихотворений из серии «Библиотека поэта», – наиболее авторитетном издании, включающем в себя 310 стихотворений автора. В работе проанализировано более 3400 предложений.

Поставленная цель и задачи определили **методы исследования**: это метод сплошной выборки, включающий в себя работу со всеми синтаксическими конструкциями, встреченными в пределах сборника; метод анализа статистических данных; структурно-, семантико- и функционально-описательные методы; метод лингвостилистического анализа, используемый при истолковании экспрессивного потенциала отдельных языковых фактов и явлений; сравнительный метод, основанный на сопоставлении полученных данных с данными других исследователей.

Теоретической основой для формирования исследовательской части диссертационной работы стали труды известных лингвистов, исследующих поэтический синтаксис и идиостиль: Н.С. Болотновой, В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, Г.А. Золотовой, И.И. Ковтуновой, Ю.М. Лотмана, Н.В. Патроевой, В.А. Пищальниковой, Р.О. Якобсона и др., а также работы исследователей, изучающих творчество П.А. Вяземского: В.В. Бондаренко, П.А. Гапоненко, М.И. Гиллельсона, О.И. Митрофановой, И.Е. Прохоровой, И.М. Семенко, Н. В. Цветковой и др.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что основные положения данного исследования представляют синтаксис П. А. Вяземского с точки зрения структурно-типологического и функционального аспектов как важнейшую составляющую идиостиля автора, а также предоставляют лингвистам, занимающимся вопросами поэтического синтаксиса и истории русского литературного языка, сопоставительный материал для дальнейших исследований.

Практическая значимость состоит в том, что полученные сведения можно использовать в рамках вузовского преподавания курсов синтаксиса русского литературного языка, истории русского литературного языка, языка поэзии, лингвопоэтики, исторической поэтики, стилистики художественной

речи и т.п. Материалы, полученные в рамках анализа сложных предложений, встречающихся в поэтическом творчестве П.А. Вяземского, могут стать основой для компьютерной базы текстов с синтаксической разметкой.

Положения, выносимые на защиту:

1) Синтаксис поэтических текстов является неотъемлемой составляющей формирования индивидуального стиля автора, что в полной мере подтверждается на материале стихотворного творчества П.А. Вяземского.

2) В поэзии Вяземского значительную роль играют осложненные предложения; именно категория осложнения становится для поэта выразителем смысловой насыщенности текста. Из числа осложняющих конструкций в поэзии Вяземского наиболее активны сравнительные, предложно-падежные и субстантивные обороты, что демонстрирует стремление поэта к перифрастичности и оценочности высказывания.

3) Немаловажную роль в формировании идиостиля Вяземского (несмотря на малый коэффициент распространенности в сравнении с творчеством других поэтов) играют односоставные предложения, особенности использования которых автором в некоторых случаях создают эффекты, связанные с намерением оптимизировать восприятие стихотворения читателем. Помимо традиционно часто встречающихся в поэзии определенно-личных конструкций, в стихотворных текстах Вяземского часто используются и безличные односоставные предложения, через которые автор передает наполняющие его лирического героя эмоции (большей частью негативные), а также, особенно в поздние годы, стремится выразить свое отторжение от окружающего его мира.

4) Одним из неотъемлемых атрибутов идиостиля П.А. Вяземского являются составные именные сказуемые с отвлеченным глаголом-связкой, причем поэтический контекст позволяет преодолеть синкретизм экзистенциальной и связочной функции, свойственный глаголу *быть* в системе языка, за счет выдвижения на первый план бытийного смысла – идеи безвозвратно ушедшего прошлого (наиболее активной оказывается форма *был*).

5) Важной составляющей поэтического синтаксиса П.А. Вяземского являются сложные предложения, разнообразные со структурной и семантической точки зрения. Разным типам сложных предложений при этом зачастую отводится строго определенная роль в тексте произведения. Фиксируемый для поэзии в целом перевес бессоюзия над подчинением в творчестве Вяземского присутствует, однако сравнительно невелик. В поэзии Вяземского наблюдается преобладание относительного подчинения над союзным. Особенно активны в поэзии Вяземского, в сравнении с другими поэтическими системами (М. Ломоносова, Г. Державина, Н. Карамзина, А. Пушкина, М. Лермонтова, Е. Баратынского), оказываются сложные конструкции с атрибутивными, разделительными и присоединительными отношениями.

6) Особая синтаксическая организация текстов П.А. Вяземского в сочетании с его идиостилевыми характеристиками повлекла за собой появление в его текстах таких фигур речи (в первую очередь, это антитеза, синтаксический

параллелизм, полисиндетон), в построении которых важную роль играет структурно-семантическая специфика синтаксической конструкции, в первую очередь на уровне сложного предложения. Также П.А. Вяземский при помощи ряда приемов (ирония, фразеологические трансформации, применение интертекстуальных сравнительных оборотов, иноязычные вкрапления) может вступать в языковую игру с читателем текста.

7) Поэтический синтаксис П.А. Вяземского оказывает непосредственное влияние на строфику и интонационную структуру произведений (в частности, свидетельством тому являются частые анжамбеманы (стихотворные переносы), а также сочетание приема инверсии с особым построением сложных предложений).

Апробация исследования. Основные положения были обсуждены на заседаниях кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, а также на международных и всероссийских конференциях: «Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты» (Москва, РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 12-14 марта 2015 г.), «Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова» (Петрозаводск, ПетрГУ, 3-5 июня 2014 г.), «Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа» (Петрозаводск, ПетрГУ, 16-19 сентября 2015 г.) и др. Часть исследования легла в основу монографии «Идиостиль П.А. Вяземского: синтаксический аспект». Отдельные результаты диссертационного сочинения нашли отражение в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук («Ученые записки Петрозаводского государственного университета», «Вестник Череповецкого государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова»).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего в себя более 200 позиций, а также Приложения А, включающего в себя более двадцати таблиц со статистическими данными, и Приложения Б, содержащего в себе сведения, связанные с потенциальным использованием полученных данных при создании синтаксической разметки сложных предложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертационной работы обосновывается выбор темы, научная новизна и актуальность исследования, определяются основная цель и задачи, объект и предмет исследования, описываются методы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Поэтический синтаксис и идиостиль П. А. Вяземского как предмет изучения» посвящена рассмотрению теоретических вопросов, связанных с понятием «идиостиль» и применимости этого понятия к

поэтическому синтаксису. В первом разделе первой главы «**Поэтический синтаксис как объект лингвистического исследования**» предложено несколько точек зрения на явление поэтического синтаксиса. Как показывает анализ лингвистических работ, вопросы поэтического синтаксиса рассматриваются в тех случаях, когда исследователь хочет изучить конкретные особенности синтаксического строения художественного текста, напрямую связанные с поэтическим замыслом и языковой личностью автора.

Изучение поэтического синтаксиса может быть связано с композиционной структурой и ритмико-мелодической организацией текста стихотворения (работы Р.Н. Бутова, В.М. Жирмунского и В.Е. Холшевникова, Б.М. Эйхенбаума), с исследованием собственно грамматических категорий (работы Л.Д. Беднарской, А.Г. Грека, В.П. Григорьева, Н.Н. Кузнецовой, А.С. Кулевой, Л.А. Огородниковой, Н.В. Патроевой, Н.С. Посепелова, Т.В. Скулачевой, Т.А. Хазбулатовой, Р.О. Якобсона).

С нашей точки зрения исследование поэтического синтаксиса должно представлять собой анализ не только особых, маркированных элементов, но и типичных для поэта конструкций (в частности, определенных типов предложений), активно используемых им в стихотворных произведениях, что позволяет проследить эволюцию поэтического синтаксиса на протяжении всего творчества писателя, а также определить доминантные компоненты, которые сохраняет в рамках синтаксической структуры своих произведений автор на протяжении всего творческого пути или отдельных его этапов.

На наш взгляд, вопросы, связанные с изучением поэтического синтаксиса тесно переплетаются с проблемами изучения идиостиля писателя. На авторский синтаксис оказывают непосредственное влияние общие характеристики его поэтики – ведь именно в рамках поэтического синтаксиса можно определить, насколько творческое дарование писателя обусловлено особенностями его синтаксического строя. Как отмечает Г.О. Винокур, «важно проследить развитие языковых примет, авторского стиля в целом на всем протяжении творчества писателя, потому что факты эволюции стиля являются фактами биографии писателя» [Винокур 1997: 185]. Именно поэтому необходимым видится нам анализ идиостиля как лингвостилистической (лингвопоэтической) категории и определение роли синтаксиса в формировании идиостиля поэта.

Во втором разделе первой главы «**Категория идиостиля и её роль в анализе поэтического синтаксиса**» представлены различные подходы к понятию «идиостиль» (Н.С. Болотнова, В.В. Виноградов, В.Н. Виноградова, В.П. Григорьев, С.Т. Золян, Ю.Н. Караулов, Н.А. Кожевникова, И.А. Тарасова, Н.А. Фатеева). В заголовках научных статей последних десятилетий термин «идиостиль» встречается часто, фактически вытеснив многие другие схожие определения («язык писателя», «слог писателя», «стиль писателя», «индивидуальный стиль»). При этом единства в определении понятия идиостиля обнаружить не удастся. Более того, в работах последнего времени, посвященных идиостилю, в определении этой категории часто используется слово «совокупность» (возможно, в противовес используемому В.В. Виноградовым

слову «система»). Для нас принципиально важным кажется определение идиостиля как системы элементов, в которой можно чётко проследить взаимосвязь между компонентами, а также их системные свойства, поскольку еще В.В. Виноградов отмечал, что «изучение литературного стиля должно быть комплексным и системным» [Виноградов 1961: 198]. Именно поэтому мы понимаем идиостиль как систему формальных и содержательных характеристик, которые присущи произведениям того или иного автора и отражают уникальный, авторский способ языкового выражения художественного содержания.

В третьем разделе первой главы «Из истории изучения языка и стиля лирики П. А. Вяземского» предложен краткий экскурс в историю изучения творчества писателя. Петр Андреевич Вяземский был свидетелем и участником споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, где поддерживал представителей «нового языка», карамзинистов. Вместе с тем он отыскивал, как он сам говорил, «в себе собственное, коренное, родовое; ничего не перенимал, никому раболепно не следовал» [Вяземский 1982: 14].

Вяземский беспокоился о судьбе русского литературного языка в современной ему России и стремился не допустить излишних нарушений устоявшихся норм, направляя свое сатирическое перо и на новейших писателей. Он «соединял в своих поэтических и прозаических произведениях философичность, аналитизм и тонкий юмор, сатиру, высокую архаику, книжный усложненный синтаксис и простонародные словечки, разговорные интонации устной дружеской беседы, намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции» [Патроева 2009: 394]. Всё это отражалось не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне его поэтического языка.

Вторая глава «Анализ синтаксических конструкций в поэзии П. А. Вяземского» посвящена рассмотрению языка и идиостиля поэта через призму разных типов синтаксических конструкций. В целом, анализируя поэтический синтаксис, важно верно выбрать объект исследования, ведь именно в поэзии «семантика синтаксической формы приобретает поэтическую функцию, отражающую мировоззрение поэта» [Ковтунова 2005: 241]. В нашем исследовании мы обращали внимание на самые разные типы синтаксических структур, рассматривая их на материале всего стихотворного творчества П. А. Вяземского комплексно – с точки зрения их построения, выражаемых ими грамматических отношений, эстетических функций.

В первом разделе «Двусоставные предложения» рассматривается 5361 основа предложений, каждая из которых состоит из материально выраженной пары «подлежащее»+«сказуемое»; в рамках исследования было проанализировано 5675 подлежащих и 6012 сказуемых (с учетом однородных членов).

В позиции подлежащего у Вяземского часто встречаются *pluralia tantum* со значением «отрезки времени», «обряды», «праздники» — приметы поэтического хронотопа, нередко вовлекаемые в процесс метафоризации (*Брожу задумчиво, и с сумраком полей // Сольются сумерки немой мечты моей*

(288)).

Помимо существительных, в поэзии Вяземского важную роль в позиции подлежащего играют местоимения. Список используемых Вяземским местоимений велик (как количественно — местоимения выступают в роли подлежащих в 2156 контекстах — более чем в трети случаях, так и качественно — он включает в себя 31 наименование местоимений). Мир стихотворений Вяземского — во многом безымянный мир, в котором местоимения играют не последнюю роль.

Из семи наиболее часто встречающихся местоимений шесть — личные — и поскольку лирика представляет собой особую форму коммуникации, то с помощью личных местоимений в поэзии выполняется номинация лирического субъекта и адресата, а также третьих лиц, о которых идет речь в стихотворении. Основополагающая роль в поэзии Вяземского (равно как и в целом в лирической поэзии) принадлежит местоимению «я». Герой стихотворного произведения выражает себя через местоимения первого лица единственного числа, что указывает на особую роль этого местоимения в лирических произведениях и подтверждается в том числе и количественными показателями (местоимение «я» составляет 30% от всего количества местоимений).

Помимо существительного и местоимения, подлежащие в поэзии Вяземского могут выражаться синтаксически неделимыми словосочетаниями, среди которых особо частотны словосочетания с числительным, поскольку данная часть речи как таковая встречается в поэзии Вяземского часто в силу его любви к точному выражению мысли, пусть даже и в рамках лирического произведения (*Владыке снилось семь коров (193); в вас два спорят существа (168)*).

Количество составных глагольных сказуемых с фазисным глаголом невелико (лишь 29 конструкций); а вот составное глагольное сказуемое с модальным компонентом встречается в лирике Вяземского часто (244 случая). Две группы модальностей в творчестве Вяземского можно назвать преобладающими; составные глагольные сказуемые указывают на а) возможность или невозможность (*Чем возбудить могу завистливую злость (222)*), б) желательность и предпочтение (*Я жить устал — я прозябать хочу (390)*). Сказуемые с модальностью долженствования, намерения и опасения в поэзии Вяземского редки.

Особую роль играют в поэзии Вяземского именные сказуемые с отвлеченной связкой (всего 408 контекстов). Настоящее время обнаружено в 170 контекстах (44,9% от общего числа), прошедшее время — в 153 случаях (40,3%), будущее время — в 56 примерах (14,8%). При этом исследователи отмечают, что в русском литературном языке пушкинской эпохи материально выраженная связка в настоящем времени была «конструкцией, утратившей продуктивность и резко сокращавшей употребительность» [Очерки 1964: 23], в то время как лирика Вяземского не в полной мере соответствует данному языковому стремлению, указывая на любовь поэта к «архаизаторским» грамматическим закономерностям. В поэзии Вяземского встречаются и контексты с материально выраженной связкой «есть» (31 случай): *Успех есть*

общая достоинств принадлежность (151), Порядок есть душа всего! (107).

Именно с помощью отвлеченной связки представлен один из редких случаев, когда лирический герой стихотворения Вяземского предстает в образе женщины (явление для творчества поэта нехарактерное): *Быть может, я была бы рада // Вас к черту, ангел мой, прогнать. (393).*

Таким образом, в позиции сказуемого в подавляющем большинстве встречаются простые глагольные сказуемые и составные именные сказуемые с отвлеченной связкой. Вероятно, в поэзии Вяземского ярко проявляется тот синкретизм, который свойственен русскому глаголу *быть* – синкретизм связочной и экзистенциальной функции, что позволяет поэту во вспомогательном слове подчеркнуть важный для него бытийный смысл, связь со временем, антитезу бытия и небытия.

Во **втором разделе** второй главы «**Односоставные предложения**» анализируются представленные в творчестве Вяземского односоставные конструкции. В 310 стихотворениях Вяземского было выявлено 678 односоставных конструкций (в среднем 2,2 односоставных конструкции на стихотворение). При этом простых односоставных предложений в поэзии Вяземского 136 (0,4 односоставных конструкции на стихотворение). Главный компонент определенно-личных конструкций выражается преимущественно в форме первого лица единственного числа, что объясняется отнесенностью описываемой в стихотворении ситуации прежде всего к лирическому «Я». 68 конструкций из 279 (т.е. более четверти) включают в себя элементы отрицания описываемого в предложении явления (*Пусть генеральских эпюлетов не вижу на плечах твоих... (74)*).

Для формирования неопределенно-личных конструкций преимущественно поэтом используется третье лицо множественного числа настоящего и будущего времени (*Завтра, может быть, с постели // Понесут меня на стол. (105)*). Использование подобных конструкций позволяет Вяземскому акцентировать внимание на глаголе-сказуемом, непосредственно на действии, а субъект действия отодвигается на задний план, вуалируется, что способствует формированию релевантной для лирики категории неопределенности, а также стилистического приема умолчания, придания поэтическому контексту флёра загадочности, таинственности или иронической коннотации; в некоторых случаях при помощи подобной односоставной конструкции подчеркивается незначительность личности агенса (*За ним, салфеткою спеленутую чинно, // Несут вдову Кликю, согретую в руках (216)*).

Инфинитивные конструкции, встречаемые в поэзии Вяземского, как правило, представляют собой придаточную часть сложноподчиненного предложения с союзом «чтоб» («чтобы»): *Дан меч ей, чтоб разить невинность без защиты, // Весы - чтоб точный вес червонцев узнавать. (135)*. Остальные употребления с яркими модальными смыслами (возможности, невозможности, необходимости, предначертанности судьбой) единичны (*В моем сознание проку мало: // В нём бодрых сил не почерпнуть... (411)*).

Вяземским активно используются отрицательно-генитивные безличные предложения (как с отрицательным словом, так и отрицательным

местоимением или местоимением-наречием). Поздняя поэзия Вяземского – во многом поэзия отрицания не удовлетворяющей автора действительности, далекой от идеалов поэтического содружества пушкинской поры. При этом в поэзии Вяземского могут отрицаться: а) отдельные качества человека (в первую очередь, лирического героя либо того человека, к которому обращается поэт): *Чистосердечен ты, в тебе коварства нет.* (88); б) элементы природы, окружающего мира: *Снег сверху бьет, снег прыщет снизу, // Нет воздуха, небес, земли...* (213); в) подчеркивается небытие утраченных близких людей, их отсутствие в мире живых: *Вещал глагол богов на севере угрюмом, // Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.* (261); г) движение времени, старение мира и души: *Но ничего уж завтрашнего нет.* (260); д) предельное отрицание – отрицание себя: *того, которого вы знали, // Того уж Вяземского нет* (402).

Номинативные конструкции в поэзии Вяземского – это, как правило, описательные ряды, рассказывающие читателю об окружающей лирического героя обстановке, о природных явлениях, наблюдаемых в режиме «здесь» и «сейчас»: *Трубный глас, гром пушек, барабаны, // Кровавая война, сраженье, вопли, раны...* (55).

В третьем разделе второй главы «Неполные структуры» рассматриваются неполные предложения в лирике Вяземского, представляющие собой нечастое явление. В творчестве поэта встречаются лишь 32 примера неполных предложений (на 310 стихотворений). Подавляющее большинство неполных конструкций проявляется в рамках одного предложения. Единственное исключение из этого правила — стихотворение «Хандра с проблесками»: *(Как много в книге опечаток! Как много непонятных мест!* (412)).

Минимальное число неполных предложений подтверждает удаленность поэзии Вяземского на уровне синтаксиса от простого, разговорного стиля. Вместе с тем в некоторых случаях именно неполнота предложений позволяет автору структурно выстроить стихотворение, сделав его более лаконичным и динамичным, а намеренный пропуск членов предложения привлекает большее читательское внимание и демократизирует книжно-поэтическую речь, сближая ее с разговорной.

В четвертом разделе второй главы «Сложные предложения» анализируются сложные предложения из лирических произведений П.А. Вяземского. Всего нами было выявлено 1638 сложных предложений (в среднем 5,7 сложных конструкций на стихотворение). Вместе с тем средний показатель в 4-7 сложных предложений на стихотворение достаточно редок (всего 48 стихотворений); чаще всего сложных конструкций в стихотворениях либо меньше четырёх, либо больше семи. Это объясняется, с одной стороны, жанровой и тематической спецификой произведений Вяземского (небольшие стихотворения сатирического содержания или же, наоборот, большие по объему стихотворения-рассуждения), а с другой стороны – особенностями мировосприятия и психологии автора, неизбежно накладывающими отпечаток на ритмико-синтаксический строй его произведений.

У Вяземского гипотаксический тип связи преобладает над

паратаксическим (хотя и незначительно). Вместе с тем тенденции, связанные с демократизацией литературного языка на уровне синтаксиса (сокращение длины предложения, устранение тяжеловесных конструкций), не вполне нашли отражение в его творчестве. Обновление и демократизация языка у Вяземского заметны в первую очередь на лексическом и морфологическом уровне, в то время как синтаксис лирики поэта (особенно применительно к торжественным, декламационным произведениям) по-прежнему близок традициям классицистов.

Стихотворения с многочастными конструкциями носят философский характер, наполнены разнообразными рассуждениями, наблюдениями и сравнительно велики по объему. Конструкции с большим количеством частей, вкупе с преобладающей в целом бессоюзной связью, создают значительные трудности для восприятия содержания стихотворений современным читателем в силу перегруженности стихотворения атрибутами и событиями-пропозициями. Ярким примером является пятнадцатичастное сложное предложение из стихотворения «Литературная исповедь» (332).

В ходе анализа было обнаружено 3490 репрезентаций связи между частями сложных предложений (1783 случая в первом периоде и 1707 — во втором). Из них на сочинительную связь приходится 902 случая (25,85%), на подчинительную связь — 1061 пример (30,40%), на бессоюзную связь — 1527 употреблений (43,75%). Таким образом, отчетливо выражается преобладание бессоюзной связи, что в целом является спецификой поэтической речи, её близостью к разговорной и внутренней, по особенностям синтаксической организации, тенденцией к недифференцированности грамматической семантики, однако «перевес» бессоюзия над гипотаксисом сравнительно невелик, если иметь в виду средние количественные показатели для поэзии в целом.

Также можно установить определенную взаимосвязь между монологическим / диалогическим характером текста и его синтаксической организацией: стихотворения монологического характера обладают более сложным построением, поскольку чаще всего выражают мысли самого Вяземского, здесь уместно говорить о многочастных конструкциях, с преобладанием бессоюзной или подчинительной связи. Диалогическая структура произведения чаще всего характеризуется большим процентом сочинительного типа связи.

Жёсткой зависимости между типами связи в сложном предложении и жанровой отнесенностью стихотворения не обнаружено; можно лишь отметить, что во многих стихотворениях-посвящениях (в их числе «К перу моему», «К Батюшкову», «Послание к Тургеневу», «К вдове С.Ф. Безобразовой») обнаруживается очень высокий процент сложноподчиненных предложений. Эпиграммы, напротив, построены чаще всего на бессоюзных предложениях (в первую очередь, в силу своей малообъемности).

Преобладание у Вяземского соединительных союзов и наличие большого количества противительных союзов вполне типично для сложных предложений в русской речи; также иногда используются и присоединительные

союзы с целью донесения до читателя дополнительных сведений, о которых шла речь в первой части предложения. Частотность употреблений разделительных союзов у Вяземского гораздо выше в сравнении с другими поэтическими идиостилиями, что говорит о пристрастии поэта к альтернативному типу мышления (*Иль я игрок плохой, иль жизнь игра плохая, // Но всё я в дураках, внаклад себе играя, // То в картах синглетон, то на бильярде кикс* (с. 376)). Почти четверть всех конструкций с разделительными союзами приходится на цикл стихотворений «Зимние карикатуры», где можно встретить целый ряд сложных предложений с разделительным повторяющимся союзом «то...то» (213-219).

Среди соединительных союзов заметна активность выражающих соединительно-перечислительные отношения — так происходит по той причине, что чаще всего сочинительная связь используется Вяземским при комментировании тех или иных событий, происходящих одновременно: (*Рассеялись пары, и засверкали горы, // И солнца шар вспылал на своде голубом.* (с. 130)).

Приблизительно четверть всех сложных предложений с подчинительной связью представляют собой конструкции с придаточным определительным. Вместе с тем при прочтении они почти не бросаются в глаза, поскольку вписаны органично в развитие лирического сюжета. В целом синтаксис сложноподчиненных предложений является логическим способом передачи поэтической информации, а также служит для передачи идей и мыслей лирического героя (преимущественно в последних строфах стихотворений, когда необходимо сделать вывод).

На бессоюзную связь как на наиболее часто встречающийся тип сложных предложений, следует обратить особое внимание. Важную роль для понимания стихотворений играют бессоюзные предложения с причинно-следственным значением. Они не столь часто количественно употребляются в текстах, но в ряде стихотворений используются единично — как вывод для фрагмента стихотворения или всего стихотворения в целом:

В творчестве Вяземского в сравнении со всеми другими типами бессоюзных конструкций преобладают бессоюзные предложения со значением перечисления. Ряды частей сложных предложений, оформленных при помощи такой связи, могут быть достаточно длинными, вплоть до пяти частей.

В пятом разделе второй главы «**Осложненные предложения**» анализируются усложняющие конструкции. В поэзии П.А. Вяземского усложненные простые и сложные предложения — самый распространенный тип структур, причем монопредикативные усложненные конструкции в 2 раза более активны у Вяземского, чем у его предшественников и современников по поэтическому цеху.

Однородные члены предложения, выступая расширителями структурной схемы предложения, обладают экспрессивной и характеризующей функцией, что в полной мере подтверждается примерами из поэтического творчества П. А. Вяземского. Число примеров однородных подлежащих в творчестве Вяземского достаточно велико (211 рядов), и в подавляющем

большинстве случаев такие ряды однородных членов состоят из 2-3-х компонентов. При этом следует заметить, что число однородных подлежащих в поздней лирике поэта резко возрастает (более чем в два раза), увеличивается и число компонентов в рядах однородных членов, что можно объяснить описательным характером стихотворений второго периода. Однородных сказуемых в творчестве Вяземского больше, чем однородных подлежащих; довольно часто встречаются конструкции с 3-4 однородными сказуемыми, употребление которых усиливает обычно динамичность событий, описываемых в стихотворных произведениях. В позднем творчестве Вяземского можно наблюдать рост числа однородных сказуемых (до 6 сказуемых в сочинительном ряду). Среди второстепенных членов предложения Вяземский чаще всего использует однородные дополнения, а однородные обстоятельства встречаются у поэта сравнительно редко. Особо следует заметить, что в позднем творчестве Вяземского однородные определения стали встречаться в полтора раза чаще, что может также объясняться большей живописностью, изобразительностью поздних стихотворений поэта.

За немногочисленными исключениями, в поэзии П. А. Вяземского не встречаются многие устаревшие уже к концу пушкинской эпохи конструкции, например, усеченные причастия, несогласованные причастные обороты (возникшие под влиянием французского); редки обороты с подлежащим внутри или сочинительные ряды с причастием и деепричастием. Важная функция **причастных оборотов**, встречающихся в лирике П. А. Вяземского – выражение состояния лирического героя, его собственных движений, поступков, характеристика определенных свойств личности. Обособление причастий позволяет Вяземскому актуализировать позицию определенного тропа или фигуры, которые формируются с использованием причастной группой (это в первую очередь метафора; иногда возможны умолчание, ирония, зевгма).

Деепричастия, по причине своего происхождения от причастий, обычно образуются от церковнославянских, «высоких» глаголов. У Вяземского, в нарушение сложившихся языковых и поэтических традиций, используются деепричастия-«прозаизмы», обладающие «сниженной» окраской: (*Мужей в рогах... // Найдешь у вас, // Как и у нас, // Не пяля глаз* (56)).

Семантика большинства **адъективных оборотов** П.А. Вяземского оказывается атрибутивной, поскольку главное их предназначение – служить средством выражения эмоциональной оценки, быть эпитетом: (*Непосвященный жрец, неведомый себе, // Свой жребий в вашей я угадывал судьбе* (189)). Однако семантическая палитра обособленных групп с именами прилагательными обогащается, хотя и нечасто у Вяземского, обстоятельственными оттенками (причины и уступки): (*Иной, бесстрашный в ратном поле, Застенчив при дверях вельмож* (74)).

Сопоставительные наблюдения подтверждают, что П.А. Вяземский прибегал к использованию **субстантивных обособленных конструкций** намного чаще (в среднем в 2 раза!), чем его собратья по перу. Устаревшие к началу девятнадцатого столетия абсолютные субстантивные обороты

встречаются, как и у иных поэтов пушкинской поры, у Вяземского (больше таких репрезентаций у раннего Вяземского).

Преобладание субстантивных оборотов над всеми иными разновидностями осложняющих конструкций свидетельствует, очевидно, о проявлении в лирике Вяземского тенденции к оценочно-перифрастическому и именному построению текста.

Используемые П.А. Вяземским в качестве обособленных **предложно-падежные** конструкции содержат, как правило, производные предлоги, реже – наречные, деепричастные или субстантивные по происхождению (*По Парнасу, по судам, // От архонтов до поэтов, // Волю все дают рукам...* (160)).

Среди оборотов с производными предлогами встречаются колебания в формах сочетаемости служебных слов с косвенными падежами имен: так, в анализируемых текстах содержится устаревающая на протяжении XIX в. репрезентация предлога «вопреки» с родительным падежом, определяемая выбором рифмы: (*Не будем, вопреки природы // И гласу сердца вопреки, // Свои предупреждая годы, // Мы добиваться в старики!* (106)).

Значительную роль в формировании поэтической «картины мира» Вяземского играют предложно-падежные обороты, обладающие значением обстановки (экспозиции, состояния), с помощью которых передаются цвета, звуки и запахи окружающей среды (*Там на лодках, в тени, загорелись огни...* (296)).

Хотя большинство **сравнительных оборотов** формируются прежде всего именительным падежом существительного, у Вяземского встречаются и конструкции с иными частями речи в качестве стержневых слов: (*И, по несчастью, злое семя, Как прежде, цвета не дает.* (226)). Спектр сравнительных оборотов, встречающихся в творчестве Вяземского, многообразен как по синтаксическому строению, так и по семантике, выступая основным средством формирования такого распространенного тропа, как сравнение. Сравнительные конструкции, встречающиеся в поэзии Вяземского, наполнены интертекстуальным смыслом, который требует для своего истолкования от читателя достаточно широкого культурного кругозора.

Обособленные обороты с наречием, компаративом, суперлативом наречия или прилагательного, инфинитивом в качестве стержневого слова – редкий вариант осложнения структуры предложения, однако П.А. Вяземский сравнительно часто использует **адвербиальные обороты**. Как правило, в его стихах обособляются одиночное наречие или – редко – распространенное зависимым словом наречие, либо два-три однородных адвербиальных оборота: (*Давно ль, с любовью пополам, // Плели нам резвые хариты // Венки, из свежих роз увиты...* (63)).

В анализируемых поэтических текстах преобладающими являются вводные конструкции, с помощью которых выражается разная степень достоверности излагаемого сообщения (демонстрируется предположение, возможность, уверенность-неуверенность и т. п.): (*Месяц в небе из-за тучи, // Наверно, мерзнет, как и мы.* (214), а также вводные слова и сочетания слов, с помощью которых выражаются логические отношения между компонентами высказывания (демонстрируется связь мыслей между собой, части предложения противопоставляются или выделяются, указывается

на особую последовательность изложения мыслей, расставляются смысловые акценты, производится резюмирование, обобщение): *Вот, например, хотя бы грешный я* (408).

При помощи Вяземский **вставных конструкций** дает своеобразный авторский комментарий к описываемым в стихотворении явлениям. Часто поэт использует вставные конструкции, стремясь добиться иронического эффекта. Любопытно, что подобного рода комментарии Вяземский предпочитает делать, когда в качестве объекта иронии выступает он сам и его поэтическое творчество: *Почтенной публикой (я должен бы сказать: // Почтеннейшей - но в стих не мог ее загнать) - // Почтенной публикой не очень я забочусь...* (331).

Вставные единицы в поэзии Вяземского могут служить в качестве оценки, характеристики определенного явления или лица: *Надутый самохвал, сыгравший жизнь вничью, // Влюбленный по уши в посредственность свою // (А уши у него Мидасовых не хуже)...* (362).

В стихотворениях П. А. Вяземского большинство **обращений** выражены нарицательными личными именами существительными. При этом среди обращений выделяются три основные группы:

1. наименования адресатов по внешним данным или внутренним качествам: *О женщины, какой мудрец вас разгадает?* [169];

2. обращения, с помощью которых автор указывает на личные взаимоотношения лирического субъекта и адресата (особенно они многочисленны в ранней лирике Вяземского): *Я жду тебя, товарищ милый мой!* (65);

3. Наименования лиц по области интересов и роду занятий: *Спешите в мой прохладный сад, // Поклонники прелестной Флоры!* (111).

Как показали наблюдения над стихотворениями П.А. Вяземского, обращения, реализующие условно-звательную функцию, в лирике самые частотные (их доля составляет примерно 70 % всех вокативных синтагм). Подобные осложняющие структуры не просто называют адресата речи, но и позволяют передать отношение автора к его собеседнику. В качестве таких собеседников могут выступать: а) современники поэта (*Но твой, Давыдов, беглый взгляд // Окинул круг друзей веселый...* (76)); б) условные адресаты (друзья, собраты по поэтическому цеху, недруги – очень часто, возлюбленная (редко), другие лица): (*Почий, счастливец, кротким сном!* (63)); в) деятели культуры и исторические лица: (*Так, Петр! ты завещал свой дух сынам побед...*(119)); г) Бог, легендарные личности, мифологические божества (*Амуры! ныне вечером // Земле меня предайте вы тайком!* (136)); д) персонифицирующие природные объекты и явления: (*Как неизменно свежи, вечно новы // Дары твои, всецелая природа!* (287)); е) временные представления; такие обращения характерны для поздней лирики Вяземского: (*Дни святых впечатлений, // Позабуду ли вас?*(299)); ж) понятия, связанные с духовным опытом субъекта (*Уныние! вернейший друг души! // С которым я делю печаль и радость.* (133)); з) обращения к артефактам (редкий случай для Вяземского): (*Прости, халат!..* (108)).

Нехарактерна для лирики в целом и почти совсем не представлена в

поэтическом наследии Вяземского собственно вокативная функция обращения (в прямой речи героев): («Прости, жестокая Аглая! – // Он говорит в последний раз... (58)).

В третьей главе «Связь синтаксиса и композиции в лирике П.А. Вяземского» рассматривается композиция лирических произведений поэта сквозь призму поэтического синтаксиса; при этом акценты сделаны на наиболее важных составляющих композиционного строения произведения.

В первом разделе третьей главы «Структура «сильных позиций» стихотворного текста» представлены особенности заглавий, подзаголовков, эпиграфов, а также элементов начала и конца произведения, представленных в поэзии П.А. Вяземского.

В целом, стихотворений с заглавиями у Вяземского больше (203 произведения, 65% от общего числа анализируемых стихотворений), чем стихотворений без названия, что может указывать на внимание поэта к такому элементу стиха, как заглавная номинация, притом что в лирике заглавие – необязательный, факультативный элемент текста.

Как отмечают Н. Веселова и Ю. Орлицкий, «в XIX веке, вместе с трансформацией жанров, заглавие постепенно меняло роль, становилось «личным именем» стихотворения» [Веселова 1998]. Заглавия стихотворений Вяземского подтверждают этот тезис — в них уже напрямую не заявляется жанр («элегия», «подражание», «ода» и т.п.), и исключением из этого правила являются лишь некоторые – «Послание к <Жуковскому> в деревню», «Послание к М.Т. Каченовскому», «Эпитафия», «Заметки», «Карикатура», и другие, однако использование подобных жанровых заглавий поддерживается Вяземским лишь до тридцатых годов XIX века.

Заглавия Вяземского только у четвертой части стихотворений состоят из одного знаменательного слова в именительном падеже («Уныние», «Вечер», «Бессонница», «Поминки», «Кладбище» и др.) – многие из них являются отвлеченными наименованиями душевных состояний или конкретно-предметными «прозаизмами», дательном («Англичанке», «Другу», «Севернину», «Ф.И. Тютчеву», «Пушкиной О.С.» и др.), в том числе в сочетании с предлогом «к» («К друзьям», «К Батюшкову», «К Илличевскому», «К подруге», «К овечкам» и др.), причем второй тип названий характерен лишь для раннего творчества Вяземского, и такие заглавия после тридцатых годов, с уходом из жизни или отъездом за границу многих близких знакомых Вяземского, практически не встречаются. Формы винительного или творительного падежей в позиции заглавия редки («На память», «Дорогою», «Степью»).

Активно используются Вяземским заглавия, построенные по модели «прилагательное» + «существительное» («Весеннее утро», «Простоволосая головка», «Родительский дом», «Александрийский стих», «Важное открытие» и др.) либо «местоимение / причастие + существительное» («Битый пес», «Отложенные похороны», «Мои желанья» и др.) и «сочинительная соединительная конструкция» («Княжнин и Фонвизин», «Язык и зубы», «Молоток и гвоздь», «Человек и мотылек», «Жрец и кумир» и др.).

Излюбленным приемом построения заглавных номинаций у Вяземского является модель, содержащая, помимо стержневого компонента, имя с пространственной либо временной семантикой – хронотопические заглавия: «Быль в преисподней», «Вечер в Ницце», «Вечер на Волге», «Ночь на Босфоре», «Ночь в Ревеле» и др.

Особенно очевиден предикативный статус у заглавий, содержащих глагольные словоформы или построенных по модели простого либо сложного предложения, целого ряда высказываний («Быль, которая сбудется», «Когда? Когда?», «Любить. Молиться. Петь», «Теперь мне недосуг», «Ты светлая звезда», «Воли не давай рукам», «Я пережил» и др.). Именно в своем позднем творчестве поэт развивает традицию однословных предикативных по форме заглавий. Структурно-семантический анализ заглавных номинаций П.А. Вяземского демонстрирует расширение модельного ряда заглавий в направлении к зрелому этапу творческой деятельности.

Поэзии П.А. Вяземского в целом чужды **эпиграфы** (они встречаются всего лишь у 12 стихотворных текстов), хотя поэты романтического направления широко культивировали использование «чужого слова» в качестве эпиграфа.

Длина первого (начального) предложения в поэтических текстах Вяземского варьируется в диапазоне от одной до 18 строк. При этом наиболее частый случай – начальное предложение, состоящее из четырех строк (113 стихотворений, 36% от числа всех произведений), что позволяет высказать предположение о том, что именно с катреном совпадает, как правило, зачин в композиции стихотворных произведений малых жанров.

В поэзии Вяземского, как правило, инициальное предложение меньше по объему, чем первая строфа (104 случая) либо совпадает по объему с первой строфой (102 случая). Лишь в 8 случаях инициальное предложение по объему больше первой строфы, и всё это – стихотворения-четверостишия.

Большие по объему инициальные предложения Вяземский использует преимущественно в астрофичных стихотворениях, где их размер может достигать 18 строк (такая конструкция встречается в начале стихотворения «К подруге» (84)).

В целом, анализ начальных предложений позволяет сделать определенные выводы, связанные с такой категорией, как «зачин стихотворения»: на основе проанализированного материала, представленного в поэзии Вяземского, можно указать на такие важные критерии зачина, как наличие графического пробела, синтаксическая завершенность, построение по модели катрена.

Во **втором разделе** третьей главы **«Роль синтаксической организации в создании различных стилистических приемов. Фигуры речи в поэзии Вяземского»** анализируются наиболее типичные для поэзии Вяземского фигуры речи, к числу которых относятся антитеза, синтаксический параллелизм и полисиндетон.

В поэзии Вяземского нами были выделены три наиболее частотные группы антитез: «вчера-сегодня-завтра», «день-ночь», «жизнь-смерть».

Традиционной не только для творчества Вяземского, но и в целом для поэзии следует считать триаду «вчера – сегодня – завтра»: *У тех, на коих врал вчера, // Сегодня ножки он целует.* (194), *Во мне найдешь, быть может, след вчерашний, Но ничего уж завтрашнего нет* (261), *Сегодня с плеч слегло, а завтра не настало.* (266).

Второй важной антитезой для творчества Вяземского становится «день-ночь» – еще одно типичное для поэтического творчества противопоставление. Любопытно, что в своем творчестве поэт использует эту антитезу преимущественно для указания на смену времени суток: *То ли дело встарь: телега, // Тройка, ухарский ямщик, // Ночью дуешь без ночлега, // Днем же – высунув язык* (257).

Наиболее важной же для поэзии Вяземского становится антитеза жизни и смерти, которая красной нитью пролегла через всё его творчество. Уже даже в первом из стихотворений Вяземского, которое было написано в 1808 году, когда поэту было 16 лет, присутствуют следующие строки: *Быть может, разлучат с тобой нас люди злобны // Иль **смерть**... печальна мысль <...> Мы добры - и, конечно, // Нас боги наградят здесь **жизнью** долговечной!* (54).

Как правило, Вяземский, противопоставляя два явления, предпочитает организовать столкновение в форме сложного предложения (это может быть как сложносочиненная конструкция, так и сложноподчиненная конструкция), так и при помощи осложненного предложения (в частности, с использованием однородных членов предложения). В некоторых случаях противопоставляемые компоненты могут находиться и в разных предложениях. Знаковую роль в организации антитез в лирике Вяземского играют именно полипредикативные конструкции, поскольку они чаще всего применяются для противопоставления в каждой из частотных групп антитез.

Синтаксический параллелизм как одно из классических средств языковой выразительности, часто используется в художественном творчестве (как прозаическом, так и поэтическом). Активность синтаксического параллелизма как стилистической фигуры объясняется тем фактом, что с ее помощью поэт может решать целый ряд задач, от собственно стилистических до версификационных, связанных с ритмикой стиха.

С точки зрения числа компонентов синтаксический параллелизм в поэзии Вяземского представлен следующим образом: конструкции из трех компонентов встречаются 22 раза (61% от общего числа), из четырех компонентов – 13 раз (36%), из пяти компонентов – 1 раз (3%).

Вяземский в своем творчестве использует преимущественно двучленные повторы (35 примеров). Единственное исключение – стихотворение «Картузов - сенатор» (66), в котором представлены трехчленные синтаксические повторы с двумя и тремя компонентами

Четырехкомпонентные конструкции в поэзии Вяземского могут сочетаться с другой синтаксической фигурой – анафорой. Повтор слов в начале стихотворных строк позволяет поэту зафиксировать внимание читателя, усилив роль данного отрывка в тексте в целом. Очевидно, что синтаксический параллелизм как фигура речи в творчестве Вяземского может использоваться с

разными целями. К числу таких целей можно отнести следующие:

а) создание сатирического эффекта. В раннем творчестве синтаксический параллелизм используется поэтом преимущественно с сатирическими целями (*Что комик наш Гашипар плач Юнга подорвал, // Что трагик наш Гашипар Скаррона побеждал* (90));

б) противопоставление. Напротив, поздний Вяземский стремится совместить синтаксический параллелизм и идею противопоставления, что находит отражение во многих его стихотворениях. Таким образом, еще одной из фигур, сочетающейся в поэзии Вяземского с синтаксическим параллелизмом, является хиазм (крестообразное изменение последовательности элементов в параллельных синтаксических конструкциях): *И дни мои чернее ночи // И ночь моя чернее дня* (375); *Поглядишь! Хандра всё любит, // А любовь всегда хандрит.* (236);

в) ритмомелодическая организация стиха. В случаях полного синтаксического параллелизма у Вяземского наблюдается также выравнивание количества слов и слогов в симметричных частях, что способствует большей ритмичности стиха (*Молний быстрее // Быстро парит, // Птичек резвее // Резво летит* (79)).

Таким образом, Вяземский использует синтаксический параллелизм не обособленно, а с вполне конкретными целями (в раннем творчестве – с сатирическими, в позднем – в сочетании с идеей противопоставления), и при этом зачастую совмещает конструкции, содержащие фигуру параллелизма, с другими синтаксическими фигурами (к числу которых можно отнести анафору, антитезу, хиазм).

Полисиндетон часто встречается в поэтическом творчестве П.А. Вяземского, поскольку с помощью данной фигуры автор может решать целый ряд задач, от собственно стилистических до версификационных, связанных с ритмикой стиха.

В поэзии Вяземского подавляющее большинство контекстов представляют собой примеры многосоюзия с повторяющимся союзом «и». В одном из случаев повтор союзов «и» сопровождается появлением другой фигуры речи – полиптата (употребления в одной фразе разных падежных форм одного и того же слова): *Я пережил и многое, и многих, // И многому изведаль цену я.* (260).

Исключений из правила, согласно которому многосоюзие проявляется через повтор союзов «и», немного, и почти все они касаются повторения сочинительных противительных союзов «но»: *Но снов, но слез, но дум, желаний волны // Текут, кипят в болезненной груди...* (237); *Не жидкий, как вода или напиток детский, // Но Русью веющий, но сочный, но густой...* (266). На уровне сложного предложения полисиндетон в поэзии Вяземского проявляется через повторение союзного слова «где»: *Ковчег минувшего, где ясно // Дни детства мирного прошли <...> // Где я расцвел под отчей сенью // На охранительной груди, // Где тайно созревал к волнению, // Что мне грозило впереди; // Где искры мысли, искры чувства // Впервые вспыхнули во мне <...> // Где я узнал по предисловью <...>* (228-229).

Таким образом, функция полисиндетона как синтаксического средства, позволяющего подчеркнуть единство и целеустремленность перечисляемого, а также способствующего увеличению выразительности поэтического текста в полной мере находит свое воплощение в творчестве П.А. Вяземского.

Отдельно рассматривается использование вопросительных конструкций в творчестве поэта. С помощью вопросов поэт способен проиллюстрировать рассуждения лирического героя, облакающего свою мысль в форму слова, выражающего собственный внутренний мир. В 310 стихотворениях П.А. Вяземского нами было обнаружено 498 вопросительных конструкций (в среднем 1,6 вопроса на стихотворение). При этом вопросы присутствуют лишь в 154 произведениях – то есть, менее чем в половине из стихотворений поэта. В то же самое время, специфика расположения вопросительных предложений в тексте указывает на то, что данной синтаксической конструкции Вяземский уделял большое внимание, концентрируя группы, состоящие из вопросов, в одном месте (используя так называемый прием сгущения). Наиболее часто встречаются:

а) риторический вопрос – использование формы вопроса в утвердительных или побудительных конструкциях: *Клянусь: и я любить умею, // Но натошак что за любовь?* (60);

б) гипофора – вопрос, обращенный говорящим к самому себе, ответ на который и дает говорящий: *Что век зоила? - день! Век гения? - потомство!* (с. 73)

в) дубитация – вопрос, выраженный вслух в виде выражения сомнения в чем-либо: *Вы говорите: жизнь есть благо, - // Что ж после назовете злом?* (376)

Для вопросительных конструкций в поэзии Вяземского характерен прием сгущения.

В позднем творчестве Вяземского сгущением вопросов наполнены философские стихотворения, посвященные поиску смысла жизни. Поэт сопоставляет прошлое, настоящее и грядущее и задается вопросами о смысле жизни и смерти.

Ранний Вяземский – мастер острого слова, его эпиграммы пользовались большим успехом в светском обществе, а в стихотворных произведениях часто встречаются двусмысленности и намеки. В некоторых случаях они могут быть непонятны современному читателю, тогда как для современника поэта смысл этих эпиграмм был понятен без дополнительных комментариев. Вяземский пристально следил за формой таких иронических конструкций, особым образом организуя текст стихотворения (в том числе и с точки зрения синтаксиса). К числу типичных синтаксических средств актуализации иронии, встречающихся у Вяземского, мы относим построенную на однофункциональных рядах или полипредикативных паратаксических структурах антитезу, вставные конструкции и риторические восклицания.

Нередко Вяземский прибегает к различного рода структуральным и семантическим трансформациям узуальных оборотов, стремясь к более удачному и оригинальному словоупотреблению, к извлечению особых образных эффектов. Зачастую трансформированные в структурном или

семантическом плане фразеологические обороты используются с определенными выразительными и изобразительными целями в лирике, где возможно построение на устойчивых сочетаниях слов даже целых текстов. В поэзии П.А. Вяземского нами было обнаружено три основных типа трансформации фразеологизмов:

- 1) замена одного из компонентов фразеологизма,
- 2) изменение грамматической структуры оборота,
- 3) распространение фразеологизма.

С точки зрения анализа поэтического синтаксиса нам в первую очередь будет интересна вторая группа трансформированных фразеологизмов. В целом изменение грамматической структуры оборота в сравнении с двумя другими вариантами трансформации используется Вяземским реже, поскольку данный способ трансформации не приводит к сколь-нибудь существенным семантическим и образным эффектам.

В результате изменения фразеологизмов поэту удается достичь важных стилистических эффектов – усиления комического начала, создания иронического подтекста, эмоционального воздействия на читателя. Эти контексты Вяземского более выразительны и яркие, а строфы, в которых употребляются трансформированные фразеологизмы, сразу же привлекают к себе внимание читателя.

Большинство используемых Вяземским фразеологических оборотов имеют разговорную коннотацию, однако встречаются и книжные (восходящие к мифам или Библии) выражения, поэтому фразеологизмы, помимо образно-экспрессивных, выполняют и функцию создания аллюзий и реминисценций, обладают богатым интертекстуальным потенциалом.

Выстраивая синтаксическую архитектуру текста, Вяземский, хоть и изредка, допускает вставки из других языков, например, польского (*Притом цыплята, раки, спаржа, // Или технически скажу // И местность красок удержу: // "Kurczeta, raczki i szparagi"*(175)), латинского (*Досадно слышать: "Sta viator!" // Иль, изъясняясь простей: // «Извольте ждать, нет лошадей»* (171)), немецкого (*Kennst du das Land, где фимиамом чистым // Упоены воздушные струи* (254)), французского (*Faire la cour и волочиться // Смешно напоминает блажь* (178)). В последнем случае любопытен тот факт, что Вяземский записывает слова французского языка русскими буквами (это касается как элемента заглавия, так и самого стиха), поэтому данное стихотворение близко так называемой «макаронической» поэзии.

В третьем разделе третьей главы «**Мелодика, строфика и метрика лирики П. А. Вяземского в соотношении с ее синтаксической организацией**» рассматриваются вопросы, связанные со строфическим, ритмометрическим и интонационным строением текста в сопоставлении с его синтаксической структурой. Для поэзии Вяземского более характерны строфические (213 стихотворных произведений, 69% от всех), нежели чем астрофические (97 стихотворений, 31% от всех) произведения.

Также в поэзии Вяземского было обнаружено 146 контекстов со строчным анжамбеманом (т.е., стихотворным переносом из строки в строку). В

целом явление анжамбемана нехарактерно для поэзии поэта (данный прием наблюдается лишь в 87 стихотворениях – 28% от всех стихотворений поэта).

Следует отметить специфику использования Вяземским более редких, чем широко распространенные в классической русской лирике четырехстопный или пятистопный ямб, стихотворных размеров: для трехсложных размеров отмечается резкое увеличение доли простых предложений (четырёхстопный хорей, трехстопный дактиль, четырехстопный амфибрахий, двустопный анапест) либо, напротив, усиление активности сложных конструкций (трехстопный хорей, двустопный дактиль, двустопный амфибрахий, четырехстопный анапест) на фоне «средней» для Вяземского частотности типов конструкций. Шестистопный хорей и трехстопный амфибрахий демонстрируют одинаково высокую на фоне «нормы» активность простых и многочастных построений. Для трехстопного дактиля и четырехстопного более характерны осложненные построения, чем для других метрических схем в целом.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования. В результате анализа поэтического творчества в качестве наиболее релевантных для поэтического синтаксиса Вяземского были определены такие синтаксические конструкции, как осложненные предложения, сказуемые с отвлеченной связкой (в силу их большого количества и специфики эстетического использования), односоставные предложения (процент которых в творчестве поэта сравнительно невелик для того времени, однако разнообразие типов конструкций обеспечивает разностороннее и эффективное воздействие текста на читателя) и сложные предложения, которые в текстах Вяземского преобладают над предложениями простыми, и потому не могут не привлекать особое внимание исследователя. Осложненное предложение является наиболее распространенным и самым важным типом построений в поэзии П.А. Вяземского. Среди осложняющих конструкций наибольшей активностью отличаются субстантивные, предложно-падежные и сравнительные обороты, что свидетельствует о ярко проявляющейся в синтаксисе Вяземского тенденции к оценочности, перифрастичности и именному характеру поэтического высказывания.

Именно интеллектуальность поэзии, её глубина стала отличительной чертой творчества Вяземского; стремление к выстраиванию причинно-следственных, глубинных связей, нехарактерное для лирики в целом, нашло широкое отражение в творчестве этого выдающегося поэта и мыслителя. Немаловажную роль в оформлении сверхсодержательности и интеллектуальности поэзии П.А. Вяземского сыграл особый поэтический синтаксис, присущий его стихотворным произведениям.

В **Приложении А** представлены таблицы, иллюстрирующие синтаксические особенности творчества П.А. Вяземского (а также в некоторых случаях приведены сопоставительные данные из творчества других поэтов). В **Приложении Б** предложен один из вариантов использования информационных технологий в рамках анализа поэтического синтаксиса (на примере сложных предложений).

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Патроева, Н.В., Лебедев А.А. Поэтическая фразеология П.А. Вяземского [Текст] / Н.В. Патроева, А.А. Лебедев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета: научный журнал. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – № 8 (102). – С. 60–66.
2. Лебедев, А.А. Типология и функционирование сложных предложений в лирике П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец : Изд-во ЧГУ, 2012. – №2 (38). – С.96-99.
3. Лебедев, А.А. Предложения с отвлеченной связкой в стихотворных произведениях П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки.. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. – №1 (138). – С.54–56.
4. Лебедев, А.А. Антитеза в поэтическом творчестве П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2014. – №4. Т. 20. – С.137–139.
5. Варфоломеев, А.Г., Кузнецов Д.В., Лебедев А.А., Москин Н.Д. Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов [Текст] / А.Г. Варфоломеев, Д.В. Кузнецов, А.А. Лебедев, Н.Д. Москин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета: научный журнал. Серия: Естественные и технические науки. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – №6. – С.113-118.
6. Патроева, Н.В., Лебедев А.А. Проект синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века [Текст] / Н.В. Патроева, А.А. Лебедев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета: научный журнал. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – №3 (148). – С. 53–55.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

7. Лебедев, А.А. Идиостиль П.А. Вяземского: синтаксический аспект [Текст] / А.А. Лебедев; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2013. – 134 с. табл. – Библиогр.: С. 127–134.
8. Лебедев, А.А. Полисиндетон в лирике П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Перспективы развития науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2014 г. Часть 5. – Тамбов, 2014. – С. 69–71. – 2014.
9. Лебедев, А.А. Синтаксический параллелизм в творчестве П.А. Вяземского [Текст]. / А.А. Лебедев // Проблемы анализа художественного текста: к 200-

- летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Москва-Петрозаводск. 2014. – С. 110–112.
10. Лебедев, А.А. Вопросительные предложения в лирике П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Армения, Русский язык в Армении. – 2015. – №3 (94). – С. 26–34.
 11. Лебедев, А.А. К вопросу о фольклорных элементах в поэтическом наследии П.А. Вяземского [Текст] / А.А. Лебедев // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа. Сб. докладов всероссийской (с международным участием) науч. конференции (16–19 сентября 2015 года, г. Петрозаводск). – 2015. – С. 160–163.
 12. Варфоломеев, А.Г., Лебедев А.А., Москин Н.Д. Представление моделей синтаксической структуры поэзии П.А. Вяземского с помощью технологии XML [Текст] / А.Г. Варфоломеев, А.А. Лебедев, Н.Д. Москин // Материалы IV междунар. науч. конференции «Информационные технологии и письменное наследие». – Петрозаводск, 2012. – С.174–178.

Лебедев Александр Александрович
Поэтический синтаксис П. А. Вяземского

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать __.03.2016 г.
Формат 60x94/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11